

Марк Твен

Банковый билет в 1000000 фунтов стерлингов

Когда мне было двадцать семь лет, я служил клерком в маклерской конторе в Сан-Франциско и прекрасно разбирался во всех тонкостях биржевых операций. Я был один на свете, мне не на что было рассчитывать, кроме своих способностей и незапятнанной репутации, и это толкало меня на поиски счастья, а пока что я жил надеждами на будущее.

По субботам, после обеда, я мог свободно располагать своим временем и обычно проводил его, катаясь на маленьком паруснике по заливу. Однажды я заехал слишком далеко, и меня унесло в открытое море. С наступлением темноты, когда надежда на спасение была почти потеряна, меня подобрал маленький бриг, направлявшийся в Лондон. Путешествие было долгое и бурное, и меня заставили отработать проезд в качестве простого матроса. Когда я сошел на берег в Лондоне, мой костюм был потерт и оборван, и в кармане у меня оставался всего один доллар. Этих денег хватило, чтобы доставить мне пищу и кров на двадцать четыре часа. В следующие двадцать четыре часа я обходился без пищи и крова.

На следующее утро, часов в десять, я слонялся по Портленд-плейс, оборванный и голодный, когда ребенок, которого тащила на буксире нянька, бросил в канаву большую сочную грушу, откусив от нее всего один раз. Я остановился, разумеется, и устремил голодные глаза на валявшееся в грязи сокровище. У меня набрался полон рот слюны, желудок терзали спазмы, все мое существо требовало груши. Но каждый раз, как я делал к ней движение, чей-нибудь глаз мимоходом замечал это, и я, разумеется, выпрямлялся, напускал на себя равнодушный вид, притворяясь, будто совсем не думаю о груше. Так повторялось несколько раз, и я все не мог достать эту грушу. Я дошел до такого отчаяния, что решил отбросить всякий стыд и схватить грушу, как вдруг у меня за спиной открылось окно и какой-то джентльмен, высунувшись оттуда, позвал:

— Зайдите сюда, пожалуйста.

Лакей в нарядной ливрее открыл мне дверь и проводил меня в великолепно убранную комнату, где сидели два пожилых джентльмена. Они отпустили слугу и попросили меня сесть. Хозяева только что позавтракали, и при виде остатков этого завтрака я едва не лишился чувств. Мне до сумасшествия хотелось есть, но мне никто не предложил, волей-неволей пришлось обойтись так.

Надо вам сказать, что незадолго перед тем произошло нечто такое, о чем я в то время не знал и узнал лишь впоследствии. Дня два тому назад между двумя пожилыми братьями вышел спор, и в конце концов, чтобы разрешить его, они побились об заклад, — у англичан это обычный способ улаживать дело.

Вы, должно быть, помните, что Английский банк выпустил однажды два билета по миллиону фунтов каждый, предназначавшихся для какой-то особо важной сделки с иностранным государством. Почему-то только один из них был использован и погашен, а другой все еще лежал в банковских сейфах. И вот братья, беседуя между собой, стали спорить о том, какова была бы судьба безукоризненно честного и неглупого иностранца, если бы он очутился в Лондоне без друзей и без денег, имея только билет в миллион фунтов, и был бы не в состоянии объяснить, откуда у него этот билет. Брат А. говорил, что он умер бы голодной смертью, брат Б. говорил, что не умер бы. Брат А. говорил, что он не мог бы предъявить билет в банке или еще где-нибудь, потому что его тут же арестовали бы. Так они спорили до тех пор, пока брат Б. не выразил готовность держать пари на двадцать тысяч фунтов, что этот человек во всяком случае сумеет прожить месяц с миллионным билетом и не попасть в тюрьму. Брат А. принял пари. Брат Б. отправился в банк и купил этот билет. Истый англичанин, как видите: сказано — сделано. Потом он продиктовал письмо одному из своих клерков, который написал его красивым, круглым почерком, потом оба брата сели у окна и целый день высматривали нужного человека.

Они видели много таких честных лиц, которые казались им недостаточно умными; много таких, которые были умны, но недостаточно честны; много таких, которые были и умны и честны, но обладатели их не казались достаточно бедными, а если и были достаточно бедны, то не походили на иностранцев. Каждому чего-нибудь да не хватало. Наконец появился я; они решили, что я подхожу во всех отношениях, и я был избран единогласно и теперь ждал, когда же мне скажут, для чего меня позвали. Они начали расспрашивать меня и скоро узнали всю мою историю. Наконец они сказали мне, что я вполне подхожу для их цели. Я ответил, что искренне рад, и спросил, какая же это цель. Тогда один из них протянул мне конверт и сказал, что объяснение находится внутри. Я хотел было распечатать конверт, но он остановил меня и сказал, чтобы я вернулся к себе, прочел письмо внимательно и поступил бы обдуманно и не торопясь. Я был удивлен и настаивал на том, чтобы братья объяснили мне, в чем дело, но они отказались. Я простился с ними, обиженный и оскорбленный тем, что мне приходится служить предметом явного издевательства; однако был вынужден примириться с этим, так как мои обстоятельства не позволяли мне обижаться на богатых и сильных.

Теперь я подобрал бы грушу и съел бы ее перед целым светом, но груша исчезла; значит, и тут я потерпел убыток, что отнюдь не смягчило моих чувств по отношению к двум пожилым джентльменам. Как только их дом скрылся из виду, я распечатал конверт и увидел, что в нем лежат деньги. Надо вам сказать, что я сразу переменял мнение об этих людях. Не теряя ни секунды, я сунул письмо и деньги в карман жилета и побежал в ближайший дешевый ресторан. Боже мой, как я ел! Наевшись так, что уже не мог проглотить больше ни куска, я достал билет, развернул и, бросив на него беглый взгляд, чуть не упал в обморок. Пять миллионов долларов. Голова у меня закружилась.

Прежде чем прийти в себя, я сидел, должно быть, не меньше минуты в остолбенении, уставясь на билет и моргая глазами. Первое, что я заметил, был хозяин. Он застыл на месте, не сводя глаз с билета. Он преклонялся перед ним душой и телом и, как видно, не

мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я мгновенно сообразил, как мне держаться, и сделал то единственно разумное, что можно было сделать. Протянув ему билет, я сказал небрежным тоном:

— Разменяйте, пожалуйста.

Тут он очнулся и, придя в нормальное состояние, рассыпался в извинениях, что не может разменять этот билет, и ни за что не хотел до него дотронуться. Он глядел на него, не сводя глаз, и все не мог наглядеться досыта, но боялся притронуться к нему хоть бы пальцем, словно это был предмет настолько священный, что простому смертному не подобало брать его в руки. Я сказал:

— Очень жаль, если это вас затрудняет, но я все-таки настаиваю на своем. Пожалуйста, разменяйте этот билет, у меня нет других денег.

Но он ответил, что это не беда, он с удовольствием подождет до другого раза с таким пустяковым счетом. Я сказал, что, может быть, очень не скоро буду поблизости от его ресторана, но он ответил, что это ничего не значит, он согласен подождать; мало того, я могу требовать у него в ресторане все, что только мне угодно и когда только мне угодно, и пускай счет растет, сколько мне будет угодно. Неужели же он побоится поверить в долг такому богачу, как я, только потому, что мне вздумалось в веселую минуту подшутить над публикой и нарядиться нищим. В это время вошел другой посетитель, и хозяин подмигнул мне, чтобы я спрятал эту диковинку подальше, потом с поклонами довел меня до двери, и я отправился прямо к тому дому, где жили братья, чтобы исправить ошибку, прежде чем полиция начнет меня разыскивать. Я был очень взволнован, попросту сказать — перепугался порядком, хотя, разумеется, ни в чем не был виноват; однако я достаточно хорошо знал людей и понимал, что, дав бродяге миллион фунтов вместо одного и обнаружив свою ошибку, они придут в неистовое бешенство и рассердятся на бродягу, вместо того чтобы сердиться на собственную рассеянность. Подойдя к дому, я несколько успокоился, так как все кругом было тихо, и почувствовал уверенность в том, что ошибка еще не обнаружена. Я позвонил. Появился тот же слуга. Я спросил, нельзя ли видеть джентльменов.

— Они уехали.

И это было сказано высокомерным, холодным тоном, свойственным лакейской породе.

— Уехали? Куда уехали?

— Путешествовать.

— Но куда же все-таки?

— На континент, я думаю.

— На континент?

— Да, сэр.

— Но куда же, в каком направлении?

— Не могу сказать, сэр.

— Когда же они вернутся?

— Они сказали, через месяц.

— Через месяц! О, это ужасно! Скажите мне хоть приблизительно, куда им можно написать. Это в высшей степени важно!

— К сожалению, не могу. Я не имею сведений, куда они уехали, сэр.

— Тогда я должен видеть кого-нибудь из членов семьи.

— Семья тоже в отъезде, уже несколько месяцев за границей — в Египте или в Индии.

— Дорогой мой, произошла невероятная ошибка, они вернутся еще до вечера. Вы скажите им, что я был здесь и что буду ходить, пока это дело не уладится, так что им нечего опасаться.

— Скажу, если они вернутся, но я их не жду. Они сказали, что вы явитесь через час и будете наводить справки, и просили передать вам, что все в порядке, они вернутся вовремя и будут ждать вас.

Мне пришлось бросить расспросы и уйти. Какая загадочная история! Я просто сходил с ума. Они будут здесь «вовремя». Что это может значить? Ах, может быть, письмо объяснит что-нибудь! Я забыл про письмо. Я достал его и прочел. Вот что в нем было сказано:

«Вы умный и честный человек, что видно по вашему лицу. Мы предполагаем, что вы бедны и недавно в Лондоне. К письму приложена некоторая сумма. Мы даем ее вам взаймы на тридцать дней, без процентов. Явитесь в этот дом по истечении этого времени. Я держал за вас пари. Если я выиграю, вы получите любое место, какое имеется в моем распоряжении, то есть любую работу, с какой вы знакомы и какую сможете выполнять».

Ни подписи, ни адреса, ни числа.

Ну и попал же я в переплет! Вы теперь знаете, с чего все это началось, а я тогда не знал. Для меня это была глубокая, неразрешимая загадка. Я не имел ни малейшего

представления о том, что все это значит, хотят ли мне добра или зла. Я пошел в парк и сел на скамейку — подумать и решить, что мне делать.

Через час мои размышления вылились в такую форму:

«Может быть, эти люди хотят мне добра; может быть, они хотят мне зла; нет возможности узнать — чего именно. Оставим это. Они задумали какую-то игру, или опыт, или план, — нет возможности определить, что именно. Оставим это. За меня держат пари, — нет возможности решить, какое именно. Оставим это. Таким образом, неизвестные величины скинуты со счета, а все остальное вполне осязаемо, весома и без труда может быть рассортировано и снабжено ярлыками. Если я попрошу Английский банк положить этот билет на счет владельца, они это сделают, потому что владелец им известен, хотя я его не знаю; но они спросят у меня, откуда у меня этот билет, и если я скажу правду, меня, разумеется, посадят в сумасшедший дом, а если я совру, то попаду на скамью подсудимых. То же выйдет, если я вздумаю разменять билет или занять под него денег. Волей-неволей придется владеть этим тяжким бременем до возвращения моих джентльменов. Мне от этого билета так же мало пользы, как от горсти золы, и все-таки я должен о нем заботиться и беречь его, питаюсь подаянием. Подарить его я никому не могу, — ни честный гражданин, ни разбойник ни за что его не возьмут, не захотят впутываться в это дело. Братья ничем не рискуют. Даже если я потеряю билет или сожгу его, они все-таки ничем не рискуют, потому что могут приостановить платежи, и банк им вернет эту сумму, а мне тем временем придется целый месяц жить без заработка и терпеть нужду ни за что ни про что, если только я не помогу выиграть пари, в чем бы оно ни заключалось, и не получу места, которое мне обещано. Я был бы не прочь — у людей этого рода бывают в распоряжении места, ради которых стоит постараться».

Я много раздумывал о будущем месте. Мои надежды начали оживать. Без сомнения, жалование будет большое. Через месяц я начну его получать, и тогда все будет в порядке. Очень скоро я уже чувствовал себя превосходно. В это время я опять бродил по улицам. При виде портновской мастерской мне ужасно захотелось сбросить мои лохмотья и снова одеться прилично. Мог я себе это позволить? Нет, у меня в кармане не было ничего, кроме миллиона фунтов. И я заставил себя пройти мимо. Но скоро меня потянуло назад. Искушение жестоко мучило меня. Стойко сопротивляясь ему, я, должно быть, раз шесть прошел взад и вперед мимо мастерской. Наконец я не выдержал и сдался. Я вошел и спросил, нет ли у них случайного костюма, не взятого заказчиком. Мастер, с которым я заговорил, кивнул на другого и ничего не ответил мне. Я подошел к другому, тот кивнул на третьего, тоже без слов. Я подошел к третьему, и тот сказал:

— Обождите, я с вами займусь.

Я подождал, пока он кончит какое-то свое дело, и он повел меня в заднюю комнату, где перебрал целую кучу бракованных костюмов и выбрал для меня самый дрянной. Я надел его. Он мне не годился и имел невзрачный вид, зато он был новый, и мне очень не

хотелось с ним расставаться, поэтому я не нашел в нем никаких недостатков и сказал довольно робко:

— Может быть, вы сделаете мне одолжение и подождете уплаты несколько дней? У меня нет при себе мелких денег.

Сообщив своему лицу самое саркастическое выражение, он сказал:

— Ах, вот как? Ну, разумеется, я так и знал. У таких господ, как вы, водятся только крупные деньги!

Я обиделся и сказал:

— Друг мой, не следует судить о незнакомом человеке только по одежде. Я могу заплатить за этот костюм; я просто не хотел затруднять вас разменом крупной суммы.

Он слегка изменил свое обращение со мной и сказал все-таки довольно дерзко:

— Я ничего обидного не хотел сказать, но если уж дело дошло до упреков, то я мог бы сказать, что вы тоже напрасно думаете, будто мы не можем разменять любого билета, какой при вас имеется. Наоборот, мы можем.

Я протянул ему билет и сказал:

— Ах, очень хорошо; извините.

Он взял его с улыбкой, с одной из тех широких улыбок, которые расплываются во все лицо, образуя складочки, морщинки и завитушки, будто пруд, когда в него швыряешь кирпичом; но как только он бросил беглый взгляд на билет, эта улыбка застыла, пожелтела и стала похожа на те волнистые, червеобразные потоки окаменевшей лавы, какие встречаются на склонах Везувия. Мне еще никогда не приходилось видеть такой примерзшей на веки вечные улыбки. Мастер стоял с этой самой улыбкой, держа билет в руках, но тут к нам протолкался хозяин мастерской посмотреть, что делается, и живо сказал:

— Ну, что такое, что случилось, в чем дело?

Я сказал:

— Ничего не случилось, я дожидаюсь сдачи.

— Ну-ну, дай ему сдачу, Тод, дай ему сдачу.

Тод возразил:

— Дай ему сдачу! Легко сказать, сэр, взгляните-ка вы сами на эту бумажку.

Хозяин взглянул, тихо и выразительно свистнул, потом нырнул в кучу забракованных заказчиками костюмов и начал расшвыривать их направо и налево, в то же время приговаривая взволнованно и словно про себя:

— Подсовывать чудаку миллионеру такую мерзость! Тод дурак, он дураком и родился. Всегда что-нибудь перепутает. Этак он всех миллионеров отсюда распугает, где уж ему отличить миллионера от бродяги, никогда он этому не выучится! Ага, вот оно, как раз то, что требуется. Будьте любезны, сэр, снимите всю эту дрянь и бросьте ее в огонь. Сделайте мне честь, сэр, примерьте вот эту рубашку и этот костюм, — вот именно, это как раз то, что нужно: просто, богато, скромно и благородно, как на герцоге; ведь это сделано на заказ для одного иностранного принца, сэр; вы, может быть, его знаете — его светлость господарь Галифакса. Он вернул этот костюм и заказал нам траур, потому что матушка у него собралась было умирать, а потом раздумала. Ну и что же из этого, не всегда бывает так, как нам... то есть так, как им... ну вот! Брюки хороши, сэр, сидят на вас превосходно. Теперь жилет — опять-таки хорошо! Теперь сюртук... Боже мой! Посмотрите сами! Весь костюм — совершенство! За всю мою практику не видывал ничего удачнее!

Я выразил ему свое удовольствие.

— Совершенно верно, сэр, совершенно верно! Должен вам сказать, для перемены и это годится. Но подождите, посмотрите сначала, что мы можем сделать для вас по вашей мерке. Ну, Тод, бери книгу и карандаш, да поживее. Длина брюк — тридцать два... — и т.д.

Не успел я вставить и слова, как он снял с меня мерку и уже заказывал фраки, визитки, рубашки и прочее в том же роде.

Улучив минутку, я сказал:

— Но, дорогой мой сэр, я не могу дать заказ на эти вещи, разве только вы согласитесь ждать неопределенное время или разменять билет.

— Неопределенное время! Это слабо сказано, сэр, слабо сказано! Вечно — вот настоящее слово, сэр! Тод, поторопись там с этими вещами и отошли по адресу джентльмена, не задерживая ни минуты. Пускай мелкие заказчики подождут. Запиши адрес джентльмена.

— Я переезжаю с квартиры. На днях я зайду к вам и оставлю новый адрес.

— Совершенно справедливо, сэр, совершенно справедливо! Одну минуту — позвольте мне проводить вас, сэр. Вот сюда. Всего лучшего, сэр, всего лучшего!

Теперь вы понимаете, что должно было случиться?

Я самым естественным образом пришел к тому, что начал покупать разные вещи и просить сдачи. Через неделю я был великолепно одет, пользовался комфортом и даже роскошью и жил в дорогом особняке на Ганновер-сквер. Обедал я дома, а завтракал в том скромном ресторанчике Гарриса, где впервые поел на свой билет в миллион фунтов. Я создал Гаррису репутацию. Распространился слух, что заведению покровительствует чудаков и иностранец, который носит в жилетном кармане банковые билеты по миллиону фунтов. Этого было довольно. Из бедного, захудалого, перебивавшегося со дня на день ресторанчика заведение Гарриса стало модным местом, и от посетителей не было отбоя. Гаррис чувствовал ко мне такую благодарность, что постоянно навязывал деньги взаймы и даже слышать не хотел об отказе; и вот у такого нищего, как я, всегда водились деньги, и жил я не хуже богатых и знатных. Я предчувствовал, что скорый крах неизбежен, но, попав в воду, надо плыть к берегу или тонуть. В этом был элемент неминуемой беды, придававший нечто серьезное, отрезвляющее и даже трагическое положению вещей, которое без этого было бы чистой комедией. По ночам, в темноте, трагическое выступало на передний план, предостерегало и грозило, — я стонал и метался, и сон бежал от моих глаз. Но в веселом свете дня трагический элемент тускнел и исчезал, а я не чувствовал под собой земли и был счастлив до головокружения; можно сказать, был пьян от счастья.

И это было естественно: я стал одной из достопримечательностей столицы мира, и это вскружило мне голову, — и не то чтобы слегка, а порядком. Нельзя было взять в руки газету, все равно какую — английскую, шотландскую или ирландскую, без того, чтобы не наткнуться на «Миллион в кармане», — так меня прозвали. Сначала обо мне упоминалось в самом низу столбца светской хроники, потом я обошел баронетов, потом лордов, потом баронов и так далее и так далее, все повышаясь, по мере того как росла моя известность, пока наконец не достиг высшей точки и не занял места выше всех герцогов некоролевской крови и выше всех духовных особ, кроме архиепископа Кентерберийского. Заметьте, это была еще не слава: пока что я добился только популярности. Затем грянул завершающий удар, так сказать, возводящий меня в рыцарское достоинство, он в одно мгновение ока превратил бранный мусор популярности в неувядаемое золото славы: в «Панче» поместили на меня карикатуру! Да, теперь моя карьера была сделана, я нашел свое место. Надо мной еще можно было шутить, но почтительно, не грубо; разрешалось улыбаться, но не смеяться. Было для этого время, да прошло. «Панч» изобразил меня в лохмотьях, приценивающимся к лондонскому Тауэру. Можете себе представить, как это подействовало на юнца, который до сих пор находился в полной неизвестности, а теперь не мог сказать слова, чтобы его не подхватили и не разнесли по всему городу; не мог сделать шага, чтобы не услышать замечания, переходящего из уст в уста: «Идет, идет! Вот он!»; не мог позавтракать без того, чтобы вокруг не собралась толпа зрителей; не мог появиться в театральной ложе, чтобы на него не направили разом тысячи биноклей.

Я просто купался в лучах славы с утра до вечера, — вот как обстояло дело.

Вы знаете, я даже сохранил мои старые лохмотья и время от времени показывался в них, ради удовольствия купить какой-нибудь пустяк и быть обруганным, а потом убить ругателя наповал миллионным билетом. Но и это продолжалось недолго. Мои лохмотья стали



настолько известны по карикатурам в газетах, что меня сразу узнавали, когда я появлялся в них, и целая толпа ходила за мной по пятам, и если я покушался что-нибудь купить, хозяин немедленно предлагал мне весь магазин в кредит, даже еще не видя билета.

Приблизительно на десятый день своей славы я решил отдать долг родине, сделав визит американскому посланнику. Он попенял мне за то, что я так долго медлил с визитом, и сказал, что простит меня только в том случае, если я соглашусь отобедать у него сегодня вечером, заняв свободное место одного из гостей, который заболел. Я согласился, и мы разговорились. Оказалось, что они с моим отцом были в детстве школьными товарищами, позже учились вместе в Йельском университете[1] и оставались близкими друзьями до самой смерти отца. Поэтому он пригласил меня проводить у него в доме все свободное время, и, само собой разумеется, я с удовольствием согласился.

Сказать по правде, я не только охотно согласился, но даже был рад. Когда произойдет крах, посланник, может быть, сумеет как-нибудь спасти меня от окончательной гибели; я не знал еще, каким образом, но, может быть, он сумеет найти выход. Дело шло к концу, и я так и не отважился открыться ему, что не замедлил бы сделать в начале моей головокружительной карьеры. Нет, я не мог осмелиться на это теперь, я слишком далеко зашел, для того чтобы рисковать, разоблачая себя перед новым другом, хотя, в сущности, если разобраться, я зашел не дальше, чем следовало. Видите ли, при всех моих займах я старался держаться в пределах моих средств, то есть в пределах моего жалованья. Разумеется, я не мог знать, какое мне положат жалованье, но для моих расчетов у меня имелось достаточное основание: если я выиграю пари, я смогу выбирать любое место, какое только имеется в распоряжении этого богатого джентльмена, если окажется пригоден, — а я, конечно, окажусь пригоден, в этом я нисколько не сомневался. Что касается пари, то о нем я не беспокоился, мне всегда везло. Я рассчитывал на жалованье от шестисот до тысячи в год: скажем, в первый год шестьсот — и так далее год за годом, пока я не дойду до высшей цифры, показав, на что способен. Пока я задолжал всего только мое жалованье за первый год. Все наперебой предлагали мне деньги взаймы, но я держался твердо и почти всегда отказывался под тем или иным предлогом, так что мой долг состоял всего из трехсот фунтов, взятых взаймы, и еще трехсот, которые пошли на мое содержание и покупки. Я был уверен, что на жалованье за второй год я сумею прожить до конца месяца, если буду по-прежнему расчетлив и экономен, а в этом отношении я намерен был проявить твердость. Когда месяц кончится и мой хозяин вернется из путешествия, все уладится: я поделю жалованье за два года между своими кредиторами и сразу примусь за работу.

Обед вышел прелестный, приглашенных было четырнадцать человек: герцог и герцогиня Файф-о-Клок, их дочь — леди Анна-Грация-Элеонора-Селеста де Буль-Терьер, граф и графиня Плум-Пудинг, виконт Ростбиф, лорд и леди Кольдкрем, нетитулованные особы обоего пола, сам посланник с женой и дочерью и гостившая у них англичанка — подруга дочери, девушка лет двадцати двух, по имени Порция Лэнгем, — в которую я влюбился с первого взгляда, как и она в меня; я это и без очков заметил. Был еще один гость —

американец. Но я немножко забегаю вперед. Пока приглашенные сидели в гостиной, нагуливая аппетит к обеду и холодно оглядывая опоздавших, слуга доложил:

— Мистер Ллойд Гастингс.

После обычного обмена приветствиями Гастингс зашел меня и сейчас же подошел, приветливо протягивая руку, но вдруг остановился, так и не пожав мне руки, и смущенно сказал:

— Прошу извинения, сэр, я думал, что мы знакомы.

— Ну, конечно, знакомы, дружище.

— Не может быть! Так это вы?..

— «Миллион в кармане»? Да, это я. Не бойтесь называть меня этой кличкой, я к ней привык.

— Ну-ну, вот это так сюрприз! Я видел раза два вашу фамилию в соединении с этим прозвищем, но мне и в голову не приходило, что вы и есть тот самый Генри Адаме. Ведь еще не прошло и полугода с тех пор, как вы были клерком на жалованье у Блэка Гопкинса во Фриско[2] и просиживали целыми ночами, помогая мне проверять отчеты Гулда и Кэрри. И подумать только, что вы в Лондоне, архимиллионер и такая знаменитость! Да это просто тысяча и одна ночь! Милый мой, я никак не могу взять этого в толк, просто не понимаю! Дайте мне опомниться, у меня голова кругом идет!

— Суть в том, Ллойд, что я тоже ничего не понимаю. У меня тоже голова кругом идет.

— Боже правый, это поразительно, это просто поразительно! Всего три месяца тому назад мы сидели вместе в ресторане «Рудокоп».

— Нет, в «Вашем здоровье».

— Правильно, в «Вашем здоровье»; пришли туда в два часа ночи, прокорпев шесть часов подряд над бумагами. И за кофе и котлетами я убеждал вас поехать со мной в Лондон, предлагая выхлопотать вам отпуск, оплатить все расходы и дать кое-что наличными, если мне удастся выгодно реализовать дело. А вы не хотели меня слушать, говорили, что ничего мне не удастся и что вы не можете рисковать службой, а потом, вернувшись домой, терять время на то, чтобы снова войти в курс. И все-таки вы здесь. Удивительно! Как это вышло, что вы приехали сюда, и с чего началась ваша сказочная карьера?

— О, это вышло случайно. Долгая история, целый роман, можно сказать. Я вам все расскажу, только не теперь.

— А когда же?

— В конце этого месяца.

— Но это же целые две недели? Никакое человеческое любопытство столько не выдержит. Давайте через неделю.

— Не могу. Со временем вы узнаете почему. Расскажите лучше, как идут ваши дела?

Его оживление разом исчезло, и он сказал со вздохом:

— Вы были сущим пророком, Генри, сущим пророком. Лучше бы я не приезжал. Мне не хочется об этом говорить.

— Нет, вы должны сказать. Отсюда вы непременно поедете ко мне и все мне расскажете.

— Можно? Вы не шутите? — И слезы навернулись у него на глазах.

— Да, я хочу знать все до последнего слова.

— Я так вам благодарен! Снова обрести человеческое участие, внимание к себе и своим делам, ласковый голос, добрый взгляд — после всего, что я пережил здесь! Господи! Да ради этого я готов на колени стать!

Он крепко пожал мне руку, оживился и после этого воспрянул духом и был готов приступить к обеду, который так и не состоялся. Да, случилась обычная вещь, — случилось то, что всегда случается при куда не годных и раздражающих английских порядках: никак нельзя было установить, кто за кем идет по рангу, и потому обед не состоялся. Англичане всегда наедаются дома, перед тем как ехать на обед, потому что знают, какому подвергаются риску; а нового человека никто не потрудится предупредить, и он преспокойно идет и попадает впросак. Разумеется, никто на этот раз не пострадал, все мы пообедали заранее, потому что новичков среди нас не было, кроме Гастингса, которого предупредил посланник и, приглашая на обед, сказал, что из уважения к английским обычаям обеда у него не готовили. Каждый взял под руку даму, и мы торжественно проследовали в столовую, потому что ритуал все-таки полагается выполнить, но тут-то и начались разногласия. Герцог Файф-о-Клок желал идти в первой паре и сидеть во главе стола, считая, что он по рангу старше посланника, который представляет только народ, а не коронованную особу. Я тоже выставил свою кандидатуру. В столбце светской хроники я стоял выше всех герцогов некоролевской крови, — я так и сказал и потребовал, чтобы меня посадили выше герцога. Мы никак не могли найти выхода, сколько ни бились; наконец герцог решил (и очень неосмотрительно) сыграть на своем происхождении и древности рода, а я сбросил Вильгельма Завоевателя и козырнул Адамом, от которого происхожу по прямой линии, что явствует из моей фамилии; а он — по боковой, что явствует из его фамилии, да и от норманнов он произошел совсем недавно. Так что все мы торжественно проследовали обратно в гостиную и, как водится, закусили стоя; подается блюдо сардинок, клубника, все становятся в круг и едят. Здесь культ местничества не так обременителен; две особы высшего ранга бросают монету, и

тот, кто выиграет, первым съедает клубнику, а тому, кто проиграет, достается монета. Потом вторая пара бросает монету, потом третья и так далее. После закуски внесли столы, и все мы усадились играть в криббедж[3], по шести пенсов партия. Англичане никогда не играют ради развлечения. Если нельзя выиграть или проиграть — не важно, что именно, — они совсем не сядут за карты.

Мы прекрасно провели время, особенно я и мисс Лэнгем. Я был так ею очарован, что то и дело сбивался со счета и непременно проигрывал бы каждую партию, если бы мисс Лэнгем не вела себя совершенно так же, как и я: она была в таком же состоянии, поэтому ни один из нас не выходил из игры и нисколько не беспокоился об этом; мы знали только, что мы счастливы, и не хотели, чтобы нам кто-нибудь мешал. И я признался ей — да, признался! — сказал, что я ее люблю, а она — она покраснела до корней волос, но была этому рада, она сама так сказала. Я не помню другого такого вечера! Каждый раз, считая взятки, я писал ей что-нибудь; каждый раз, как она считала взятки, она отвечала мне. Я не мог сказать: «Записываю две!», чтобы не прибавить: «Боже, как вы прелестны!» А она отвечала: «Пять и две, семь. Вы так думаете?» — и поглядывала на меня из-под ресниц так мило и лукаво. О, это было восхитительно!

Я был с ней совершенно откровенен и прямо, сказав, что у меня нет ни цента, кроме билета в миллион фунтов, о котором она столько слышала, да и тот не мой, и это возбудило ее любопытство, потом я понизил голос и рассказал ей всю историю с самого начала, и она чуть не умерла со смеха. Что, собственно, она нашла в этом смешного, я так и не мог понять, однако нашла же: каждые полминуты какая-нибудь новая подробность вызывала у нее смех, и мне приходилось останавливаться минуты на полторы, чтобы дать ей прийти в себя. Она смеялась до потери сознания. Право, я никогда ничего подобного не видывал. Я хочу сказать: не видывал, чтобы такой грустный рассказ, рассказ о злоключениях, заботах и тревогах производил такого рода впечатление. И я полюбил ее еще больше за то, что она умела веселиться, когда ровно ничего веселого не было: мне очень скоро могла понадобиться именно такая жена, знаете ли, это по всему было видно. Разумеется, я сказал ей, что нам придется подождать года два, пока я не начну получать жалованье, но она ничего не имела против, только просила меня быть как можно экономнее в расходах и не рисковать нашим жалованьем за третий год. Потом она немного огорчилась и выразила сомнение, не ошибаемся ли мы, — может быть, в первый год мне не назначат такого большого жалованья? Это было благоразумно и пошатнуло мою прежнюю уверенность, зато навело меня на дельную мысль, и я откровенно высказал ее:

— Милая Порция, не согласитесь ли вы пойти вместе со мной в тот день, когда я должен буду встретиться с этими джентльменами?

Она слегка поморщилась, но сказала:

— Д-да, если мое присутствие вам придаст бодрости. Но будет ли это удобно, как вы думаете?

— Не знаю, право, будет ли это удобно, — боюсь, что нет, — но вы знаете, от этого так много зависит, что...

— Ну, тогда я пойду во всяком случае — удобно это или неудобно, — сказала она в прекрасном порыве великодушия. — Мне так приятно думать, что я могу помочь вам!

— Помочь, милая? Да ведь все зависит от вас. Вы такая красивая, такая прелестная, такая очаровательная, что, если вы пойдете со мной, я буду настаивать, чтобы нам дали самое большое жалованье, и непременно уломаю этих милых старичков, у них не хватит духу сопротивляться!

Если бы вы видели, как прелестно она покраснела, как заблестели счастьем ее глаза!

— Ах вы гадкий льстец! В том, что вы говорите, нет ни слова правды, но я все-таки пойду с вами. Может быть, после этого вы поймете, что не все смотрят вашими глазами.

Рассеялись ли после этого мои сомнения? Вернулась ли уверенность в себе? Можете судить сами: мысленно я немедленно повысил себе жалованье до тысячи двухсот на первый год. Но ей я этого не сказал, а приберег в виде сюрприза.

Всю дорогу домой я летел как на крыльях. Гастингс что-то говорил, но я не слышал ни слова. Когда мы с ним вошли в мой кабинет, он привел меня в чувство, горячо восхищаясь окружавшим меня комфортом и роскошью.

— Позвольте мне постоять здесь немножко и наглядеться досыта. Боже мой! Да это дворец — настоящий дворец! Ведь тут есть все, чего только душа ни пожелает: и веселый огонь в камине, и ужин наготове. Генри, вот теперь я не только понимаю, что вы богаты, а я беден, — я всем своим телом, всем своим существом чувствую, что я беден, что я несчастен, уничтожен, разбит наголову, погиб безвозвратно!

О, черт побери! От таких речей во мне ожили прежние страхи. Я сразу отрезвился и понял, что стою на вулкане и подо мной корка лавы толщиной не более полдюйма. Я не признавал, что сплю, то есть до поры до времени не позволял себе в этом признаться, а теперь — о боже!.. По уши в долгу, без гроша в кармане, и милая девушка на руках, — от меня зависит сделать ее счастливой или несчастной, — а впереди ничего, кроме жалованья, которое, может быть, — и даже наверное, — навсегда останется мечтой! О, о, о! Я погиб без возврата, меня уже ничто не спасет!

— Генри, самые ничтожные крохи вашего ежедневного дохода могли бы...

— Ох, мой ежедневный доход! Вот вам стакан горячего грога, сядьте, выпейте и развеселитесь! За ваше здоровье! Ах нет, вы, может быть, хотите есть? Сядьте и...

— Нет, какая там еда, мне не до того. Вот уже сколько дней я не могу есть. А пить с вами я готов, пока не свалюсь.

— Вы готовы? Что ж, выпьем! А теперь, Ллойд, выкладывайте вашу историю, пока я приготовлю еще по стаканчику.

— Выкладывать? Как, еще раз?

— Еще раз? Что вы хотите этим сказать?

— Вы хотите слушать все сначала?

— То есть как сначала? Это какая-то загадка. Подождите, не пейте больше этой дряни. Не надо.

— Послушайте, Генри, вы меня пугаете. Разве я не рассказал вам всю историю по дороге сюда?

— Вы?

— Ну да, я.

— Пусть меня повесят, если я слышал хоть слово.

— Генри, это очень серьезно. Я за вас беспокоюсь. Что там такое вышло у посланника?

Тут меня сразу осенило, и я сознался во всем, как подобает мужчине:

— Я познакомился с самой прелестной девушкой в мире и покорила ее сердце!

Он бросился ко мне, и мы долго, долго жали друг другу руки, до боли в пальцах, и он не осудил меня за то, что я не слышал ни слова из рассказа, которого хватило на целых три мили, пока мы не дошли до дома. Терпеливый и добрый малый, он просто-напросто сел и рассказал мне все снова. Вкратце его рассказ сводился к следующему: он приехал в Англию с коммерческим планом, который, по его мнению, сулил чудеса; у него было полномочие продать рудники Гулда и Кэрри и оставить себе все, что удастся получить сверх миллиона долларов. Он работал не покладая рук и, нажимая все кнопки, испробовал все дозволенные законом средства, истратил почти все свои деньги и все-таки не мог заставить ни одного капиталиста хотя бы выслушать себя, а срок его полномочий истекал в конце месяца. Словом, он был разорен. И тут он вскочил и воскликнул:

— Генри, вы можете меня спасти! Вы можете спасти меня — вы, и только вы один в целом мире! Хотите вы это сделать? Сделаете вы это?

— Скажите, как это сделать. Говорите, мой милый.

— Дайте мне миллион за эти рудники и купите для меня обратный билет! Ради бога, не отказывайте мне!

Я терзался, не зная, что делать. Я уже готов был выпалить: «Ллойд, я сам нищий, без единого гроша в кармане, да еще кругом в долгу!» Но тут меня осенила гениальная мысль, я опомнился, стиснул зубы и стал холоден и рассудителен, как капиталист. Потом я сказал деловитым и сдержанным тоном:

— Я спасу вас, Ллойд...

— Тогда я уже спасен! Бог да благословит вас навеки! Если я когда-нибудь...

— Дайте мне кончить, Ллойд. Я спасу вас, но не этим путем: это было бы несправедливо по отношению к вам — вы столько работали, подвергались такому риску. Мне не нужны рудники. В таком коммерческом центре, как Лондон, можно и без этого пустить капитал в обращение, я так и делаю. Но вот что я вам предложу. Я, конечно, знаю этот рудник, знаю, что он стоит больших денег, и могу это клятвенно подтвердить всякому желающему. Не пройдет и двух недель, как вы продадите его за три миллиона наличными, пользуясь моим именем, и мы с вами поделимся поровну.

Вы знаете, он чуть не разнес всю мебель в щепки, пустившись в пляс от неистовой радости, и переломал бы все в доме, если б я не дал ему подножку и не связал его.

Он лежал безгранично счастливый и говорил:

— Вы разрешаете мне пользоваться вашим именем! Вашим именем — подумать только! Милый мой, да они налетят стаяй, эти лондонские богачи, они передерутся из-за этих акций! Теперь моя карьера обеспечена, обеспечена навсегда, и я не забуду вас до самой смерти.

Не прошло двадцати четырех часов, и весь Лондон загудел, как улей! День за днем я только и делал, что сидел дома и говорил всем посетителям:

— Да, я просил его сослаться на меня. Я знаю его и знаю этот рудник. Репутация Гастингса вне всяких подозрений, а рудник стоит гораздо больше того, что он просит.

Тем временем все вечера я проводил у посланника с Порцией. Я ни слова не сказал ей о руднике, я приберегал это как сюрприз. Мы не говорили ни о чем другом, кроме как о жалованье и о любви, — иногда о любви, иногда о жалованье, иногда о любви и о жалованье вместе. И боже мой! Какое участие принимали в наших делах жена и дочь посланника, на какие хитрости они пускались, чтобы нам никто не мешал и чтобы посланник ничего не заподозрил, — с их стороны это было просто чудесно!

К концу месяца у меня лежал миллион долларов в Лондонском банке, и Гастингс был обеспечен не хуже. Надев самый лучший костюм, я проехал мимо дома на

Портленд-плейс и по внешнему виду сделал заключение, что птицы уже прилетели. Потом отправился к посланнику за моим сокровищем, и мы вместе поехали обратно, без умолку разговаривая о жалованье. Она так волновалась и тревожилась, что выглядела поразительно красивой. Я сказал:

— Милая, вы сейчас так красивы, что было бы преступлением просить меньше трех тысяч в год.

— Генри, Генри, вы нас обоих погубите!

— Не бойтесь. Будьте только так же красивы, как теперь, и положитесь на меня. Все кончится хорошо.

Вышло так, что мне же пришлось поддерживать в ней бодрость всю дорогу. Она спорила со мной и говорила:

— Не забудьте, пожалуйста, что, если мы будем просить слишком много, нам, может быть, совсем ничего не дадут; и что тогда с нами будет, если мы останемся совсем без средств и без заработка?

Нас впустил все тот же слуга; и оба они оказались тут как тут, наши пожилые джентльмены. Разумеется, они удивились, когда увидели, что со мной такое прелестное создание, но я сказал:

— Ничего, господа, это моя будущая супруга и помощница.

И я представил их и назвал по имени. Это их не удивило, они понимали, что у меня хватит смекалки заглянуть в справочник. Они усадили нас, были очень любезны со мной и, насколько могли, старались, чтобы Порция перестала смущаться и чувствовала себя как дома. И тут я сказал:

— Джентльмены, я готов дать вам отчет.

— Мы рады будем вас выслушать, — сказал мой джентльмен, — потому что теперь мы можем решить спор между братом Абелем и мной. Если вы выиграли для меня пари, вы получите любую должность, какая есть в моем распоряжении. Билет в миллион фунтов с вами?

— Вот он, сэр, — и я отдал ему билет.

— Я выиграл! — воскликнул он и хлопнул Абеля по спине. — Ну, что ты теперь скажешь, брат?

— Скажу, что он жив, а я проиграл двадцать тысяч фунтов. Никогда бы этому не поверил.



— Мой отчет еще не кончен, — сказал я, — и рассказывать придется долго. Разрешите мне навестить вас на днях и рассказать подробно всю историю этого месяца; ручаюсь, что ее стоит послушать. А пока взгляните вот на это.

— Что такое! Счет в банке на двести тысяч фунтов! Неужели они ваши?

— Мои. Я их заработал в тридцать дней, осмотрительно пользуясь небольшой ссудой, которую получил от вас. Я ничего не делал, только покупал разные пустяки и просил разменять билет.

— Ну, это поразительно! Просто невероятно, мой милый!

— Не беспокойтесь, у меня есть доказательства. Не принимайте моих слов на веру.

Теперь пришел черед Порции удивляться. Широко раскрыв глаза, она сказала:

— Генри, это в самом деле ваши деньги? Значит, вы мне сказали неправду?

— Да, милая, сказал. Но ведь вы меня простите, я знаю.

Она капризно надула губки и сказала:

— Не будьте так самоуверенны. Вам не следовало обманывать меня.

— О, вы должны простить меня, дорогая, должны примириться: ведь это была шутка, вы же понимаете. Ну, а теперь нам пора.

— Подождите, подождите! А как же вакансия? Ведь я хотел дать вам место, — сказал мой джентльмен.

— Ну, — сказал я, — я вам как нельзя более благодарен, но мне, право, не нужно никакого места.

— Но вы можете получить самое лучшее, какое имеется в моем распоряжении!

— Еще раз благодарю от всего сердца, но мне, пожалуй, даже и такого не нужно.

— Генри, как вам не стыдно? Вы плохо благодарите этого доброго джентльмена. Можно, я поблагодарю за вас?

— Ну конечно, милая, если вы можете сделать это лучше. Посмотрим, как у вас это получится.

Она подошла к моему джентльмену, села к нему на колени, обняла его и поцеловала прямо в губы. Оба пожилых джентльмена расхохотались во все горло, а я так и застыл на месте, просто окаменел, можно сказать.

Порция сказала:

— Папа, он говорит, что в вашем распоряжении нет такого места, какое он принял бы, и я обижена не меньше, чем...

— Дорогая моя, неужели это ваш папа?

— Да, это мой отчим, и самый милый, какой только может быть. Теперь вы понимаете, почему я так смеялась, когда вы мне рассказывали у посланника, каких хлопот и огорчений наделал вам план дяди Абеля и папы?

Разумеется, тут уже я не стал молчать и высказался напрямик, без всяких околичностей:

— О, простите меня, дорогой сэр, я беру свои слова обратно. У вас имеется свободная вакансия, которую я хотел бы занять.

— Какая же это?

— Вакансия зятя.

— Ну, ну, ну! Но, знаете ли, вы никогда еще не занимали этой должности и, конечно, не сможете представить рекомендаций, которые удовлетворяли бы условиям нашего договора, а потому...

— Испытайте меня, о пожалуйста, прошу вас! Только испытайте в течение каких-либо тридцати-сорока лет, и тогда...

— Что же, хорошо, если так, — берите ее.

Были ли мы оба счастливы? В самом полном словаре не найдется довольно слов, чтобы описать наше счастье. А когда через день-другой мои приключения с банковым билетом и счастливая развязка стали всеобщим достоянием, не говорил ли об этом весь Лондон и не смеялся ли? Да, еще бы.

Папа моей Порции отвез счастливый билет обратно в Английский банк и разменял, потом банк погасил его и опять преподнес владельцу, а он подарил нам этот билет в день свадьбы, и с тех пор он висит в рамке на самом почетном месте в нашем доме, за то что он дал мне мою Порцию. Если бы не он, я не остался бы в Лондоне, не попал бы к посланнику и никогда бы с ней не встретился, и потому я всегда говорю:

— Да, это билет в миллион фунтов, как видите. И за всю его жизнь на него была сделана одна покупка, зато такая, которая стоит вдесятеро дороже этой суммы!

,

#### Примечания

1

Йельский университет — одно из старейших высших учебных заведений США; основан в 1701 г. в городе Нью-Хейвен (штат Коннектикут).

2

Фриско — город Сан-Франциско.

3

Криббедж — популярная в Англии игра в карты.